

Глава 1

— Ишь, сброд бесстыжий! Едва выслужиться приспичило — тут же по головам готовы идти, твари. Ничего, придет и на вас управа, отольются вам наши слезы! — еще издали донеслись яростные ругательства слуги. Тот палил бранью без передышки, точно из пращи, и лишь переступив калитку двора, сбавил тон.

Войдя в покои, Юйчжу мгновенно переменялся в лице и произнес со всей возможной заботой:

— Молодой господин, пора принимать снадобье.

Пошел уже третий день, как он очнулся в этом теле. Лежа на постели, он смотрел, как юнец лет двенадцати-тринадцати подошел к изголовью с дымящейся пиалой и попытался бережно приподнять его за плечи.

— Не стоит, — мягко отстранился он и сел сам. — Мне уже лучше.

Снадобья ему действительно не требовались: как-никак, он был не простым смертным, а духом-демоном. И пусть вовсе не лисом, как можно было подумать по его имени, а всего лишь Попляс-травой, сущность его оставалась прежней. Впрочем, кем бы ты ни был, за три дня любой дух оправится от банальной простуды.

А из-под одеяла Бай Сяоху не вылезал по одной простой причине — в комнате стоял лютый холод. Будь он истинным лисом, пышная шкура защитила бы от пронизывающего сквозняка. Однако побеги растений панически боятся мороза, а Попляс-трава и вовсе не относится к тем культурам, что способны процветать среди снегов и льдов.

С самого момента своего появления в этом мире Сяоху практически не покидал постели. Вот и сейчас, даже усевшись, он плотно кутался в ватник. В комнате царил собачий холод — в разгар зимы здесь не горело ни единого уголька.

Вспыльчивого мальчишку со служебной пиалой звали Юйчжу. Разумеется, злобным он не был — просто прежний хозяин этого тела отличался слишком уж мягким и безответным нравом. Не проявляй слуга хотя бы капли зубастости, в этой огромной усадьбе их давно сожрали бы с потрохами.

Юйчжу приложил ладонь ко лбу Бай Сяоху. Убедившись, что жар действительно спал, он с облегчением отставил пиалу.

— Не хотите — и не надо. Все равно толку от этой дряни никакого.

«И то правда», — мысленно согласился Сяоху. Будь это хорошее лекарство, прежний владелец тела не испустил бы дух.

Беднягу погубила людская жестокость: в разгар стужи его бросили в ледяное озеро. Когда несчастного вытащили, он уже бредил в огне. Окажи ему своевременную помощь, хворобу удалось бы сбить с рук без особых последствий. В конце концов, это мир культивации! Любой практик, пожелай он поделиться ничтожной каплей духовной энергии, с легкостью исцелил бы юношу. Да что там духоносные практики — обычный горячий отвар и добрый пот вытащили бы его с того света.

Увы, подобных условий у брошенного всеми молодого господина не водилось. Помещение промерзло насквозь: здесь даже окрепший Сяоху предпочитал не высовывать носа из-под перин, что уж говорить о тяжелобольном.

Да и снадобье вызвало бы у любого аптекаря лишь приступ тошноты. Сяоху едва принялся к нему и так и не смог понять, из какой сорной травы сварили эту мутную бурую жижу. К тому же добывать даже эти помои приходилось с боем и далеко не каждый день. Наверняка Юйчжу заходил в бранных воплях у ворот именно потому, что над ним снова глумилась челядь, грозясь выставить с пустыми руками.

— Я же говорил тебе, не стоит туда ходить, — вздохнул Бай Сяоху.

— Вы не понимаете, молодой господин! — покачал головой слуга. — Не покажи я им зубы, эти гады нас вовсе голодом заморят.

Понимая, что мальчик старается изо всех сил, Сяоху не стал спорить.

Годы назад, когда мать прежнего хозяина еще была жива, тот подобрал замерзающего Юйчжу на улице и привел в усадьбу. С тех пор мальчишка считал спасителя своим благодетелем и хранил ему беспредельную верность. Позже, когда хозяйка скончалась, а прочая дворовая челядь разбежалась кто куда, один лишь Юйчжу не покинул юного господина. Будучи младше его на добрых шесть лет, смысленный слуга взял на себя всю заботу об избалованном, абсолютно не приспособленном к жизни юноше.

При всей своей преданности Юйчжу далеко не всегда подчинялся приказам. Прежде, конечно, он беспрекословно слушал господина — в те времена, когда тот купался в роскоши и мог позволить себе любую блажь и сострадание. Но стоит судьбе совершить крутой поворот и лишить человека всех благ, как законы меняются. Очувшись на самом дне, Юйчжу выработал собственные правила выживания.

Вот и с лекарством вышло точно так же. Бай Сяоху жалел мальчишку и просил не унижаться перед слугами, но тот лишь отмахивался — мол, «молодой господин ничего не смыслит», — и с упрямством барана шел выбивать снадобье. А после возвращался, сотрясая воздух отборной бранью.

— Ладно тебе, — сокрушенно вздохнул Сяоху. — Снимай обувь и забирайся под одеяло, хоть согреешься немного.

— Я не мерзну, — буркнул мальчик.

Врет и не краснеет. Завернут в дырявый халатик, культивацией не занимается — да у него зубы от холода стучат!

Как растительный дух, Бай Сяоху никогда не отличался ангельским терпением, а потому сразу чеканил:

— Пошел на кровать, живо! Не заставляй повторять дважды.

Юйчжу опешил. Прежний молодой господин славился мягким, кротким нравом — откуда у него вдруг взялся этот властный, не терпящий возражений тон?

Не догадываясь о смутных сомнениях слуги, Сяоху решил, что попросту перегнул палку и напугал парнишку. Пожалев ребенка, он уже более мягким тоном прибавил:

— Стужа-то какая... Вдвоем под одеялом всяко быстрее согреемся.

В подобных вещах Юйчжу проявлял покладистость: если дело касалось прямой пользы хозяина, он не упрямился. Скинув старые туфли, слуга забрался на край постели. Сяоху тут же приподнял стеганный ватник и плотно подоткнул его со всех сторон, не оставляя пронизывающему скводняку ни единой щели.

Юйчжу промерз до костей, и потребовалось немало времени, прежде чем от него перестало веять могильным холодом. Но когда одеяло наконец накопило тепло, делиться им стало намного приятнее. Сяоху довольно прищурился, хотя про себя решил: в следующий раз надо бы заставить мальчишку сначала зарыться в отдельный ворох перин, а уж потом пускать к себе.

Проклятые морозы! Окажись он здесь весной, в пору буйного цветения, или хотя бы знойным летом... Да даже глубокой осенью! Разве пришлось бы ему, великому духу Попляс-травы, сносить подобное унижение? Кутаться в драное одеяло и бояться ступить ночным босым шагом на пол... Позорище! Расскажи кому из сородичей — засмеют ведь.

— Эх-хе-хе... — тяжело вздохнул Бай Сяоху. — Какое сегодня число? До весны еще долго?

Юйчжу без промедления назвал месяц и покачал головой:

— Морозы только набирают силу, молодой господин. В наших краях лютый холод держится не меньше трех месяцев.

У Сяоху в мгновение ока пропало всякое желание продолжать разговор. Он и сам догадывался

об этом, но питал робкую надежду на скорое тепло. Увы, суровая реальность не оставила от его надежд и следа.

— Надо добыть жаровню, — решительно заявил он.

— Я бы с радостью, — с горечью ответил слуга, — да только уголь нам не полагается.

Клан Бай считался родом почтенных практиков. В усадьбе даже последний рассыльный успел переступить порог ступени Очищения Цзи. Ци, циркулирующая по каналам, надежно защищала тело от холода, отчего в очагах никто не нуждался. Более того, у местных жителей считалось правилом хорошего тона пренебрегать теплом: растопить жаровню — значит во всеуслышание признать слабость собственной культивации. Но если уйти от снобизма, так ли уж безупречна эта защита? Высоким мастерам мороз действительно не страшен, но юнцы на первой-второй ступенях Очищения Цзи мерзли точно так же, как и простые смертные, просто стискивали зубы и терпели изо всех сил.

Во всем огромном поместье один лишь Юйчжу вовсе не занимался самосовершенствованием — его меридианы от рождения были запечатаны. Прежний хозяин ушел от него недалеко: за долгие годы он едва сумел вымучить вторую ступень Очищения Цзи.

Самое обидное, что природный духовный корень Юйчжу отличался отменным качеством, да толку-то, если каналы забиты? Что же до господина, тот и вовсе обладал задатками, которые в обществе считались откровенным мусором — многокомпонентным духовным корнем. В этом мире идеалом почитался единичный духовный корень, так называемый Небесный духовный корень. Двойной считался весьма достойным, тройной — сносным, а вот обладатели четырехкомпонентного едва ли могли рассчитывать подняться выше стадии Заложения Основания, путь к Золотому Ядру им был заказан навсегда.

Пятистихийный же корень и вовсе презрительно именовали «бракованным». У прежнего владельца тела ситуация выглядела еще абсурднее: его природу составляли едва ли не все существующие стихии разом. Помимо базовой пятерки — Металла, Дерева, Воды, Огня и Земли — у него имелись мутировавшие ветви Мороза, Грома и Ветра. И вдобавок ко всему — редчайший, скрытый Пространственный духовный корень, о наличии которого никто в клане даже не догадывался.

Именно эта пространственная жила по чистой случайности вошла в резонанс со свернутым миром самого Бай Сяоху, затянув духа Попляс-травы в это тело.

Из-за избытка элементов во время медитации юноше приходилось равномерно питать каждый духовный канал, отчего скорость культивации стремилась к нулю. Даже в прежние сытые годы он продвигался черепашьям шагом, что уж говорить о нынешнем нищенском прозябании. Немудрено, что за столько лет он едва закрепился на второй ступени Очищения Цзи — накопленной ци не хватило бы даже на то, чтобы согреть кончики пальцев.

— Эх, будь у меня уровень повыше... — не удержался от вздоха Сяоху.

— Не падайте духом, молодой господин! — тут же отозвался Юйчжу. — Главное, что вы способны накапливать ци. Глядишь, со временем и выбьетесь в люди.

Мальчик просто пытался его подбодрить, однако Сяоху знал наверняка: для него нет ничего невозможного. Бывший хозяин тела был бессилён, местные практики опустили бы руки, но он — дух-демон! Вот только... надо дожидаться весны.

Лишь когда сойдет снег и прогреется почва, он сможет пустить корни прямо в землю и черпать жизненную силу Земли без ограничений. А пока оставалось одно — кутаться в дырявые перины вместе с верным слугой.

— Очаг нам необходим, — решительно проговорил Бай Сяоху. — Завтра же раздобудем жаровню. Не найдем дров — пустим на щепу стол. Все равно от него никакого толку. У нормальных людей за столом чай пьют да яства расставляют, а нам на двоих двух мисок хватает. Зачем добро попусту морозить?

— Все обязательно наладится, молодой господин, — прошептал Юйчжу.

— Наладится, — убежденно кивнул Сяоху. — Но сначала спасемся от стужи. Завтра же спалим обеденный стол. А там поглядим, можно ли прикупить хвороста или хотя бы дерна... А, постой, у нас же ни гроша за душой. Придется раздобыть серебра.

М-да, досталась же ему развалина, а не жизнь!

Заняв чужую оболочку, вроде бы не следовало привередничать, но ведь Сяоху не напрашивался! Он прекрасно жил в своем прежнем мире, а теперь вынужден тратить силы на борьбу за выживание в этой глуши. Кому такое понравится? Вычислить бы того мерзавца, что устроил эту шутку со слиянием пространств, — Сяоху его на мелкие лоскуты порвал бы, честное слово!

Юйчжу рядом тихо вздохнул:

— Кабы старшие не твердили, будто слуга молодого господина не смеет позорить род и наниматься на черные работы, мы бы давно скопили медяков... Завтра же пойду к управляющему и потребую наше ежемесячное содержание! С какой стати они забирают наши деньги?

В знатных кланах слугам полагалось жалование, а законным сыновьям — выделялись средства на личные расходы. Но едва мать юноши испустила последний вдох, расклад сил в усадьбе кардинально изменился. С тех пор молодой господин не видел ни монеты.

Бесхарактерного хозяина обдирали до нитки, а Юйчжу сил хватало лишь на то, чтобы не дать им обоим сдохнуть с голоду. Перенеся столько унижений, мальчишка наконец сжал кулаки: он

был готов устроить настоящий скандал. Пусть избыют — хуже все равно не будет.

Юйчжу дошел до грани, но Сяоху удержал его за плечо. Нашел кто брать на себя решение финансовых проблем! Мальчишке едва исполнилось двенадцать, забота о пропитании — обязанность взрослого.

— Оставь серебро мне, — ровно проговорил Бай Сяоху. — Сначала мне надо встать на ноги. Так что начнем с пламени! Сегодня же пустим на дрова этот стол. За ним последуют табуреты. Когда они сгорят... хм, вон тот дряхлый комод у стены тоже сгорит. Сожжем всю мебель в комнате, а если и этого не хватит, начнем снимать с петель двери... Э, нет, нашу дверь трогать нельзя, задуть станет. Снимем у соседей! Начнем с управляющего — чье рыло тебе больше не нравится, ту дверь и выломаем.

Юйчжу ошеломленно замер.

«Молодой господин переболел и наконец-то ожесточился сердцем, — подумал мальчик, глотая слюну. — Это, конечно, замечательно... Но от его слов почему-то мороз по коже. Действительно ли стоит так откровенно задирать эту сволочь?»

<http://bllate.org/book/20645/2105648>